

УДК 94(44).042

DOI: 10.37482/2687-1505-V202

ВЕРЧЕНКОВА Виктория Владимировна, аспирант кафедры исторического регионоведения Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 12 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3108-3665>

ТОРЖЕСТВО СВОБОДЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ТУЛОНА (1793 год)

В декабре 1793 года после завершения осады Тулона, который три месяца находился в руках англичан и их союзников, на всей территории Французской республики был объявлен национальный праздник. К этому времени такие торжества обрели систематическую и законченную форму, свою символику. Их обязательными атрибутами являлись толпа зрителей, процессия, танцы, музыка с песнями, банкет. Так как победа, одержанная в Тулоне, оказалась чрезвычайно важна, в ее честь планировалось проведение грандиозных мероприятий. Автор рассматривает особенности революционного фестиваля, выделяет как общие, так и отличные черты данного праздника, характерные для регионов. В каждом департаменте его проводили по-своему: где-то совмещали с продвижением Культа Разума и дехристианизацией, где-то восхваляли богиню Победы и храбрых солдат, а где-то даже придали ему черты религиозной католической процессии. В статье анализируется обширная программа фестиваля в Париже, составленная художником Жаком Луи Давидом и драматургом Мари-Жозефом Шенье. Вместе с тем в ряде мест процессии носили спонтанный характер. Интересны «реконструкции» боев в Тулоне, устроенные в некоторых городах, где также сжигали манекены, изображавшие королей и государственных деятелей союзников. Автор показывает, каким образом на отвоевание Тулона откликнулись деятели искусств: по всей стране писались стихи, гимны, ставились пьесы и спектакли. В театральных постановках изобличались «тирания» и «подлость» англичан, клеймилась «трусость» тулонцев, сдавших свой город неприятелю, и воспевалась доблесть республиканских солдат, вернувших его Франции.

Ключевые слова: Французская революция, осада Тулона, Тулон, революционные праздники.

*Адрес: 620075, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51; e-mail: viktorieverchenkova@mail.ru

Для цитирования: Верченкова В.В. Торжество Свободы: национальный праздник в честь возвращения Тулона (1793 год) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 28–36. DOI: 10.37482/2687-1505-V202

Революционные праздники – это отдельная, богатая материалом тема в изучении истории повседневности Французской революции. За период с 1789 по 1799 год их было проведено великое множество. Подражая Парижу, где празднества устраивались с завидной регулярностью, большие и малые города охотно проводили у себя подобные мероприятия. Казалось, что их числу не было предела. Кроме самых известных, таких как праздники Федерации, Разума и Высшего Существа, существовали празднества, посвященные Молодости, Старости, Сельскому хозяйству, Супругам, Республике, Суверенитету Народа, различным военным победам и проч., и проч.

Многие из них имели политическую окраску. Часто праздники следовали за какими-либо политическими или военными победами, либо, напротив, неудачами. Торжества должны были объединить людей, позволить им почувствовать себя в гармонии с обществом, нивелировать различия между богатыми и бедными, устранить вражду между согражданами. Это не всегда получалось, а иногда и вовсе приводило к обратному результату.

К 1793 году национальные праздники приобрели систематическую и законченную форму, свою символику. Обязательными атрибутами являлись толпа зрителей, процессия, танцы, музыка с песнями и банкет.

В этой статье речь пойдет об одном из наиболее ярких революционных торжеств – празднествах конца 1793 – начала 1794 года в честь большой военной победы – взятия республиканской армией Тулона.

Тема революционных праздников не нова, ее изучали такие исследователи, как М. Домманже, М. Озуф, М. Вовель, Ж. Тьерсо. Конечно, они затрагивали и торжества в честь возвращения Тулона, но зачастую ограничивались либо мероприятиями определенного характера, либо 2-3 городами, а отдельного исследования на эту тему не производилось. Данная статья является попыткой наиболее полно проанализировать мероприятия, посвященные возвращению Тулона, их виды и цели, а также отражение этой победы в культурной жизни страны.

После вступления 18 декабря 1793 года республиканских войск в Тулон, находившийся три месяца под контролем антифранцузской коалиции, 4 нивоза (24 декабря) правительство распорядилось устроить в честь этого события по всей территории Франции национальный праздник, назначенный на 10 нивоза (30 декабря) [1, с. 383]. После бедствий первых месяцев 1793 года, предательства Дюмурье, потери Бельгии, восстания в Вандее, год заканчивался целой серией военных триумфов.

На торжественной церемонии должен был присутствовать весь Конвент. Проект мероприятия составляли такие влиятельные люди, как художник Жак Луи Давид и драматург Мари-Жозеф Шенье. На заседании Конвента Давид отмечал, что столь великое событие окажет мощное влияние на исход войны и все назовут его предвестником грядущих побед [2, с. 391]. Было недостаточно простого восхваления подвигов храбрых защитников свободы, Нация обязана их вознаградить. Планировался грандиозный праздник в их честь. В дополнение к десяткам танцоров, музыкантов, детей и других исполнителей, Давид решил привлечь кавалерийский отряд, 30 инженеров, 50 барабанщиков и два отряда парижской национальной гвардии.

В газете *Moniteur* был опубликован декрет с проектом мероприятия [3, с. 399]. Особое внимание на празднике предполагалось уделить воинам, пролившим свою кровь за Республику. Конвент призывал административные органы и муниципальных служащих поощрять браки девушек с защитниками Республики, ранеными в ходе боевых действий [3, с. 399]. В 1793 году подобные официальные мероприятия носили назидательный характер, они служили для того, чтобы настроить народ патриотически и продемонстрировать мощь Республики.

В 7 часов утра залп из артиллерийского парка дал сигнал к началу праздника. Выступили вооруженные отряды 48 секций (от каждой по 100 человек), чтобы привезти в Национальный сад (сад Тюильри) своих раненых, с почтением разместив их в 14 колесницах, символизовавших 14 армий Республики.

Был установлен особый порядок марша, в котором шествовали кавалерийский отряд, артиллеристы, барабанщики, представители власти. Далее ехали те самые 14 колесниц с ранеными, за которыми следовали, держа в руке символ победы – лавровую ветвь, юные девушки в белых одеждах, украшенных 3-цветными поясами. Особый интерес представляла собой колесница Победы, заполненная трофейными неприятельскими знаменами. На ней возвышалась фасция, увенчанная 14 венками и статуей Победы. Из Национального сада кортеж отправился в Храм Человечества (лазарет в Доме Инвалидов), где к нему присоединились ветераны. Председатель Конвента под звуки воинственных мелодий выразил им благодарность народа. По прибытии на Марсово поле исполнялись гимны в Храме Бессмертия, вокруг которого были расставлены 14 колесниц с «защитниками свободы», и девушки, проходя мимо колесниц, возлагали на них лавровые ветви [3, с. 399]. После этого следовал банкет. Праздник оказался настолько успешным, что Конвент издал декрет, предписывавший провести аналогичные мероприятия в провинциальных городах Брест, Бордо, Тур, Анже, Монпелье, Перпиньян [4, с. 60]. В последующие дни на заседаниях Конвента не раз звучали сообщения о том, что тот или иной город прислал свой проект проведения праздника либо отчет о том, как оно прошло [5, с. 1; 6, с. 328; 7, с. 221].

В некоторых городах проводились реконструкции осады. В Лилле на центральной площади был построен макет Тулона. Когда собралась толпа зрителей, Национальная гвардия продемонстрировала, как солдаты Республики взяли этот оплот «мерзких рабов короля». Затем состоялись военный парад и танцы [4, с. 60]. В Шарме (департамент Вогезы) горожан пригласили собраться ночью на открытой местности вокруг «горящих костров, имитировавших военный лагерь» [8, с. 209]. После сигнала начался «штурм» сооружений, символизировавших Лион и Тулон, в результате которого они были сожжены [8, с. 209]. Но не всегда местным властям удавалось добиться правдопо-

добия в подобных имитациях. Например, в Вирофле (департамент Ивелин), где Тулон изображала хижина из желтой бумаги, эта идея подверглась жесткой критике со стороны национального агента, который не нашел в ней сходства с крепостью [8, с. 210]. В Лионе город Тулон символизировало изображение женщины, у которой на лбу начертаны слова: «Я была когда-то француженкой, меня звали Тулон»; на сердце – «Я предала свою Родину»; на животе – «Я блудница королей» [9, с. 537]. Это изображение сожгли под аплодисменты республиканцев, танцевавших вокруг огня и распевших гимны в честь и во славу «святой Республики». Кроме того, на площади Д'Армс Коммюн были гильотинированы манекены королей Великобритании, Испании, Пьемонта, Пруссии, Богемии, а также Уильяма Питта-младшего, Папы и всех «антинародных негодяев» [9, с. 537]. Таким образом, к официальным добавляются и иные формы самовыражения.

Высмеивание королей во время республиканских праздников было особенно популярно. Организаторы праздников рассчитывали, что ироничное переосмысление лучше всего продемонстрирует презрение к Старому порядку. Часто подобные бурлескные церемонии превращались в аутодафе, а наиболее распространенным элементом становился проход ослов в митрах, что являлось средством дехристианизации [10, с. 105]. Функция ослов заключалась в демонстрации всей низменности того, что они на себе везут, будь то предметы или персоналии. Подобное высмеивание традиционных ценностей должно было отвратить население от католического культа. Во время празднования возвращения Тулона такие церемонии практиковались в разных городах: например, шествие коронованных ослов происходило в Лионе и в Сент-Этьене, где тележка, запряженная осликами, везла «монархов». [10, с. 107]. Процессию, состоящую из ослов в митрах или других церковных облачениях, можно было увидеть также в Арле, где жители сожгли на площади изображения Папы Римского и королей Великобритании и Испании, и в Антрево,

где «дьявольские ослы» везли в телеге изображения Папы и королей [10, с. 108]. Подобное «смешение жанров» характерно для данных праздников. Так обыгрывались сразу две темы: костры олицетворяли иконоборческое пламя, пожиравшее изображения святых, королей и правоустанавливающие документы (т. е. фиксирующие феодальные права), а предшествовавшие сожжению процессии ослов служили для дискредитации образов, предназначенных к уничтожению. Подобные бурлескные праздники проходили там, где существовала прочная карнавальная традиция, но это могло зависеть и от настроений, царивших в провинции.

Революционный праздник в честь возвращения Тулона в Шантийи (департамент Уаза) имел обширную программу. В шествии можно отметить трех девушек в белом, воплощавших собой единство и неделимость Республики, свободу, равенство, братство или смерть. Кроме них участвовали еще две группы девушек: первая несла символический прах Лепелетье и Марата, вторая – дубовые ветви. Центром шествия являлась колесница, запряженная двумя лошадьми. На ней стоял мужчина, изображавший Геркулеса, – символ единства нации и победы над мятежом и контрреволюцией. На передней части колесницы возвышался бюст Жан-Жака Руссо, который поддерживали две девочки 10-12 лет в белом. Далее следовали матери героев. Дойдя до Дерева свободы, участники исполнили патриотические гимны. Мэр выступил с речью, после чего все отправились в Храм Разума [11, с. 105]. С точки зрения революционной литургии и символизма, а также как пример переноса католических практик в светское пространство гражданского праздника, все эти программы представляют несомненный интерес. Здесь присутствуют основные символы поклонения: Дерево свободы, лозунги братства и равенства, Геркулес, плакаты с республиканскими девизами, дети Отечества. Вместо раки проносят прах мучеников новой веры: Лепелетье и Марата. Не остался в забвении и апостол философии Жан-Жак Руссо, на чьем пребывании в Эрменонвиле, близ Шантийи, делался

особый акцент. Это был не единичный случай: в Пор-Либерте (Пор-Луи) в Морбиане в процессии также несли бюсты Франклина, Вольтера и Руссо [10, с. 111]. Люди останавливались перед каждым символом, чтобы петь гимны, затем возвращались в «церковь» – Храм Разума, чтобы послушать проповедь. Триада «Свобода, Равенство и Братство» также заменила Троицу в качестве объекта поклонения. В некоторых городах богиню Свободы, Разума или Победы олицетворяла женщина, ехавшая на специальной колеснице, как в Шантийи делал это Геркулес. Так, например, было в Антрево 25 января 1793 года [10, с. 116]. Солдаты, пострадавшие на войне, также выступали своего рода мучениками за новую веру.

Интересно, что в разгар религиозных гонений существовали коммуны, где праздник взятия Тулона отмечался песенными мессами и *Te Deum*. Блютель, член Конвента, отдохнувший в одной из коммун департамента Кальвадос, случайно оказался в центре подготовки к празднованию: «Эти добрые люди верили, что *Te Deum* украсит их праздник, и предложили мне пойти в церковь, чтобы спеть его. Хотя я не придерживался того же мнения, я счел неблагодарным пренебречь их решением. Я уступил их желаниям, но воспользовался случаем, чтобы выступить против фанатизма» [8, с. 210]. По словам Вовеля, то же самое происходило в Милльере в Верхней Марне, в Кийбёф-Сюр-Сен (департамент Эр), а также в восточном Провансе и регионе вокруг Ниццы [10, с. 110].

Праздник в честь взятия Тулона во многих муниципалитетах положил начало новому культу – культу Разума, а там, где он уже существовал, поддержал пыл приверженцев. Так, народное общество Компьена (департамент Уаза) разослало по муниципалитетам следующий циркуляр: «Ваши храмы, закрытые для идолопоклонства, открыты для культа Разума, и вы видите, что в природе ничего не нарушилось; нет мессы, нет вечерни, но не стало ни холоднее, ни жарче, чем в то же время в прошлом году. Весной, как обычно, вы увидите, что появляются цветы и зелень, жара последует

за морозами, и урожай будет еще богаче, потому что им станут больше заниматься. Вместо траты время на выслушивание речей о предметах, в которых вы не разбираетесь, вы получите двойную выгоду от изучения всех декад, истории Революции и применения законов на практике. Этот культ может не понравиться тем, кто кормится от алтаря, но пусть они ропщут и наблюдают» [12, с. 518].

В Бове (департамент Уаза) праздник в честь взятия Тулона совместили с чествованием Культа Разума. Узнав о победе, члены Народного общества решили отправиться в Храм Разума, чтобы освободить его от всего, связанного с фанатизмом. Муниципалитет, проинформированный об этом постановлении, выделил работников, необходимых для выполнения данной задачи [12, с. 516]. Также горожанам было предложено иллюминировать фасады своих домов, чтобы создать радостную обстановку. На самом празднике девушки в белом, воины с пальмовыми ветвями в руках, государственные служащие, дислоцированные в Бове войска, граждане всех возрастов доставили изображение богини Победы в Храм Разума, где были исполнены патриотические гимны. Вечером накрыли столы для братской трапезы, а праздник завершился танцами. Близ Бове, в коммуне Труасеро, церемония также окончилась гражданской трапезой, в которой приняли участие все семьи города [12, с. 517].

Как можно заметить, во всех этих праздниках обязательно участвовали представители армии, служившие символом героизма и мужества. Британский историк А. Форрест отмечает, что в 1793–1794 годах подобные праздники имели воспитательный характер: обязательно подчеркивалась приверженность граждан идеалам Республики [13, с. 69]. Их неизменными атрибутами были торжественное шествие, исполнение военной музыки, а в завершение – танцы и распитие алкоголя.

Свои особенности имел праздник в Монако. Генерал Кервеген писал из Ниццы, что он приказал коменданту города Миоллису произвести в день церемонии 12 выстрелов из пушки. Однако

тот умолял муниципалитет позволить ему ввиду нехватки пороха и потребности в патронах лучше приберечь эти выстрелы для «деспотов» из коалиции, находившихся неподалеку [14, с. 549]. Служащие муниципалитета, пройдя накануне в сопровождении военной музыки по главным площадям и улицам города, призвали население принять участие в празднике. Приглашались все гражданские и военные должностные лица. На рассвете 10 нивоза прозвучали три пушечных выстрела. На башне бывшего дворца взвился флаг. Утром беднякам города было роздано 400 фунтов хлеба, а также каждому полагалась сумма в 20 су. На площади Республики воздвигли небольшую гору, на вершине которой находился редут, подобный отбитому у англичан в Тулоне [14, с. 549]. Здесь также состоялось шествие от ратуши до площади Республики, где прозвучал салют из трех пушечных выстрелов. Затем возле Дерева свободы участники процессии и зрители исполнили гимны Отчеству. Далее началось военное представление с атакой на редут, после чего прозвучал очередной победный салют из 6 пушечных выстрелов. На площади для военных и горожан заработали два винных фонтана. Вечером мэр и комендант города организовали общую иллюминацию и салют. Праздник закончился грандиозным «балом санкюлотов» [14, с. 550].

Зачастую процессии возникали стихийно. Так, когда в один из политических клубов коммуны Кресак пришла весть о взятии Тулона, его члены толпой высыпали на улицу и устремились к Дереву свободы. Звучали восторженные возгласы, рукоплескания, обрывки песен. Все стремились поделиться радостью с другими: представители общества отправились в соседние клубы, члены которых присоединились к ним с трубой и барабаном [8, с. 86]. В Провансе, особенно в департаменте Вар, народные общества зачастую не дожидались официального указа об организации ружейного салюта в деревнях и иллюминации в городах, а устраивали все это по собственной инициативе. Всего же в это время произошло 17 спонтанных празднований и около 30 официальных церемоний [15, с. 129].

Хотя согласно декрету торжества назначались на 10 нивоза, в силу задержек в поступлении информации празднества растянулись до плювиоза [10, с. 111]. Так, в Марселе праздничная процессия прошла 20 нивоза. Наряду с военными и антирелигиозными сюжетами здесь присутствовал и образ созидательного труда: в шествии участвовали ремесленники со своими инструментами, были провезены два запряженных волами плуга, за которыми следовали пахари [15, с. 193].

К празднику писались патриотические гимны, в которых прославлялись французы и Республика, осуждались тирания и подлость англичан, порицалась трусость жителей Тулона. Не обходилось без аллегорий с использованием образов Рима и Карфагена, рабов и царей, осквернения вод города кровавыми сосудами и т.п. [16, с. 206]. Обычно на праздниках звучали и здравицы: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!» [5, с. 1].

Мари-Жозеф Шенье написал гимн по случаю взятия города, в котором выражалась радость от того, что Тулон стал французским и снова угрожает Альбиону. Этот гимн опубликован в газете *Moniteur* [17, с. 402]:

Огни, зажженные порочными врагами,
Обратились против них самих, пав на их головы,
И их корабли, тиранов морей,
Преследуют бури [16, с. 206].

Гимн носил сугубо пропагандистский характер, подчеркивал добродетели французов и кровожадность англичан:

Он будет повсюду пристрелен,
Наглый соперник великодушного народа:
Французам в боях присуща добродетель,
А англичанам – преступление [16, с. 206].

Не обошел Шенье стороной и «предателей» – жителей города:

Рабы ищут царей;
Тулон извергает прочь своих провинившихся жителей;

Иные, более чистые смертные ныне взывают к нашим законам,

На этих приснопамятных берегах [16, с. 206].

В Освобожденной коммуне (Лион) по инициативе народного комиссара Дорфея был напечатан гимн для исполнения 10 нивоза на

площади Оружия. Отчасти он напоминает Марсельезу:

Вставайте, сыны Отечества:
Не бойтесь ярости деспотов,
Их попытки будут беспомощны,
Будем едиными, будем патриотами,
Мы раздавим тиранов [9, с. 537].

В Руане 20 нивоза (9 января 1794 года) с помпой отмечалось возвращение Тулона следующими куплетами:

Французы, смелые республиканцы,
Наслаждайтесь своими завоеваниями.
Лаврами, собранными вашими руками,
Голову вам украсим.
Пусть же победа следует за вами по пятам,
Она по-прежнему ваша спутница.
Слава тоже тянет к вам руки
С вершины Горы.

<...> Чтобы уничтожить своих врагов,
Вам нужна только помощь,
Иди и найди своих друзей,
Они на Горе [9, с. 538].

Стансы на взятие Тулона для горожан Марселя написал Жан-Франсуа де Лагарп. В его куплетах также осуждаются жители Тулона:

Они заплатили за свое вероломство,
Бежав с этими порочными англичанами.
Напрасно подлым пожаром
Они думали отомстить за свои неудачи.
<...> Торжество Свободе повсюду дает законы:
Теперь ее судьба – победить всех королей [16, с. 236].

В гимне затрагивается тема Дюнкерка, который англичане также не смогли заполучить:

Если Дюнкерк был гробом,
Для этих беглецов,
То Тулон созерцает со своих берегов
Крушение их гордости.
Преследуемые нашей мезтью,
Эти враги, некогда столь гордые,
Не должны показываться на обоих морях [16, с. 236].

Комедиант-санкюлот Пик во время публичных торжеств произнес в Комеди речь и прочитал стихи, написанные другим комедиантом-санкюлотом Пепином, где, в частности, утверждалось:

Чтобы победить, санкюлотам
Нужны только руки [18, с. 283].

Пять куплетов на мотив «Марсельезы» исполнялись в Виленев-де-Берг (департамент Ардеш):

Слушай и трепещи, неблагодарный город.
В ответ на твои нечестивые клятвы,
На твоих хозяев и на твои стены обрушится мол-
ния воинов.

Падайте, отвратительные стены,
Тщетно пытайтесь спастись, завоеватели.
Вы, тираны, погибнете [1, с. 3].

Появилась даже детская считалочка:
Сколько нужно пушечных выстрелов
Чтобы разбомбить город Тулон? [18, с. 285].

Возвращение Тулона породило ряд пьес, поставленных на сценах разных театров, например «Безумие Джорджа, или эффект, произведенный на короля Англии новостями», «Взятие Тулона французами», «Покоренный Тулон» и др. [19, с. 418].

Театральный рынок был настолько переполнен постановками такого рода, что театрам иногда приходилось отказываться от них. Тем не менее постановки на эту тему шли и в следующие месяцы и даже годы, но в указанный период их было особенно много. Драматурги черпали вдохновение из атмосферы своего времени, наэлектризованной известиями о триумфе армий Республики [4, с. 60]. Американский исследователь Л. Коннорс отмечает, что Робеспьер заплатил в начале 1794 года 100 тыс. ливров 20 парижским театрам, которые давали бесплатные представления об осаде Тулона [4, с. 56]. В Руане театр должен был показывать патриотические пьесы не реже одного раза в две недели и тоже бесплатно. Эти представления, согласно исследованию С. Бьянки, собирали толпы почти в 2 тыс. зрителей на каждом спектакле [19, с. 422]. Как между авторами, так и между театрами шла жесткая конкуренция за то, чтобы первыми отметить возвращение Тулона Республике. Руанский автор-постановщик Рибье говорит о «священном» энтузиазме, охватившем писателей [19, с. 419].

Зачастую авторы использовали в своих произведениях реальные исторические факты. Например, Бертен д'Антийи включил в свою оперу рассуждения о военной стратегии французских офицеров и представителей Конвента П. Барраса, Ж.-Ф. де Ла Пуа и Л.-М. Фрерона. В заключительном акте Фрерон поднимает

французский флаг и восклицает: «Солдаты Отечества, объединяйтесь под этим знаменем!» [4, с. 56]. Эту фразу якобы произнес настоящий Фрерон вечером 17 декабря 1793 года, незадолго до начала штурма города. Трудно сказать, что на самом деле произнес Фрерон в Тулоне, но эта попытка воспроизведения исторических реалий в театре показывает, что д'Антийи использовал газетные статьи и военные депеши последней недели декабря 1793 года, работая над текстом пьесы всего несколько дней спустя после событий. Те люди, которые не могли ознакомиться с военными сводками, получали информацию о произошедшем именно из подобного рода пьес.

Если по стране шли многочисленные празднества в честь возвращения Тулона, то в окрестностях самого города, где люди непосредственно пострадали от военных действий, а затем от террора «освободителей», церемония прошла без особого блеска. Второго января возвращение города было отпраздновано ружейным салютом, гимнастическими упражнениями, балом с раздачей участникам прохладительных напитков, куда были приглашены отличившиеся санкюлоты. Правда, перед этим на Марсовом поле прошли расстрелы жителей за пособничество англичанам (всего расстреляно 593 чел. [20, с. 150]), поэтому настроение в Тулоне было отнюдь не праздничным. Фрерон и Баррас в своем письме из Марселя описали, как в армии отпраздновали возвращение Тулона. Посреди поля боя была установлена статуя Свободы в лаврах со всеми атрибутами победы. У ее ног лежали скипетры и диадемы. Горожанам запретили «осквернять своим присутствием триумф их победителей: раболепные подданные Людовика XVII не могли вместе с республиканцами прийти поклониться богине французов» [5, с. 1]. Поэтому на Марсовом поле находились только военнослужащие. Там были возложены лавровые венки на знамена всех батальонов, которые после этого прошли под возведенной триумфальной аркой. Флаги проигравших, геральдические лилии и «другие знаки нежной любви тулонцев к своему господину» были

свалены в кучу и преданы огню [5, с. 1]. Солдаты завершили праздник танцами и военными республиканскими песнями.

Тулон вернулся в лоно Франции как раз тогда, когда эта победа была для нее особенно необходима после множества неудач на полях сражений. Правительство Республики не упустило возможности подчеркнуть важность данного события для ее дальнейшей судьбы. Именно этой цели и послужили общенациональные торжества в честь

данной победы. Празднества предназначались для поднятия духа нации и демонстрации силы армии и Республики. В центре мероприятий находился образ солдата-гражданина, служивший образцом для построения концепции республиканского гражданства в целом. Кроме того, эти праздники во многих городах использовались для продвижения культа Разума и дехристианизации, призванной решительно порвать с христианским наследием.

Список литературы

1. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 95. Quintidi, 5 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (25 décembre 1793).
2. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 97. Septidi, 7 Nivôse. l'an 2 de la République Française une et indivisible (27 décembre 1793). P. 391.
3. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 101. Primidi, 11 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (31 décembre 1793). P. 399.
4. Connors L.J. Total Theatre for Total War: Experiences of the Military Play in Revolutionary France. *Theatre Surv.*, 2021. Vol. 62, № 1. P. 51–66.
5. Bulletin de la Convention nationale. 1794, 28 janvier.
6. Mercure universel du 21 Ventose l'an a de la République française, une et indivisible (Mardi 11 Mars 1794).
7. Mercure universel du 14 Nivôse l'an a de la République française, une et indivisible (Vendredi, 5 Janvier 1794).
8. Ozouf M. Festivals and the French Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 378 p.
9. Legrand R. Un chant sur la prise de Toulon à Lyon // *Ann. hist. revolut. fr.* 1996. № 305. P. 537–538.
10. Vovelle M. The Revolution Against the Church, From Reason to Supreme Being. Cambridge: Polity Press, 1991. 214 p.
11. Dommanget M. Une fête révolutionnaire en l'an II près de Chantilly // *Ann. revolut.* 1919. Vol. 11, № 1. P. 104–106.
12. Dommanget M. La déchristianisation à Beauvais. La fête et le culte de la raison (Suite) // *Ann. revolut.* 1917. Vol. 9, № 4, P. 512–532.
13. Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. London: Hambledon Continuum, 2006. 277 p.
14. Combet J. Les fêtes révolutionnaires à Monaco // *Ann. revolut.* 1912. Vol. 5, № 4. P. 544–558.
15. Vovelle M. Les Métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820. Flammarion, 1976. 300 p.
16. Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires, ou Recueil, classé par époques, des hymnes, chants guerriers, chansons républicaines, odes, satires, cantiques des missionnaires, etc., etc., Les plus remarquables qui ont parues depuis trente ans. Paris: Librairie historique, 1821. Vol. 1. 276 p.
17. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 100. Decadi, 10 Nivose. l'an 2 de la République Française une et indivisible (30 décembre 1793).
18. du Cheylard R.V. Sanary et le siège de Toulon (suite et fin) // *Rev. hist. revolut. fr.* 1914. Vol. 5, № 18. P. 282–305.
19. Bianchi S. Le théâtre de l'an II (culture et société sous la Révolution) // *Ann. hist. revolut. fr.* 1989. № 278. P. 417–432.
20. Crook M. Toulon in War and Revolution: From the Ancient Régime to the Restoration, 1750–1820. Manchester: Manchester University Press, 1991. 270 p.

References

1. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 95. Quintidi, 5 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (25 décembre 1793).
2. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 97. Septidi, 7 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (27 décembre 1793). P. 391.
3. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 101. Primidi, 11 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (31 décembre 1793). P. 399.
4. Connors L.J. Total Theatre for Total War: Experiences of the Military Play in Revolutionary France. *Theatre Surv.*, 2021, vol. 62, no. 1, pp. 51–66.
5. Bulletin de la Convention nationale, 28 January 1794.

6. *Mercur universel du 21 Ventose l'an a de la République française, une et indivisible (Mardi 11 Mars 1794).*
7. *Mercur universel du 14 Nivôse l'an a de la République française, une et indivisible (Vendredi, 5 Janvier 1794).*
8. Ozouf M. *Festivals and the French Revolution.* Cambridge, 1988. 378 p.
9. Legrand R. Un chant sur la prise de Toulon, à Lyon. *Ann. hist. revolut. fr.*, 1996, no. 305, pp. 537–538.
10. Vovelle M. *The Revolution Against the Church: From Reason to the Supreme Being.* Cambridge, 1991. 214 p.
11. Dommanget M. Une fête révolutionnaire en l'an II près de Chantilly. *Ann. revolut.*, 1919, vol. 11, no. 1, pp. 104–106.
12. Dommanget M. La déchristianisation à Beauvais. La fête et le culte de la raison (Suite). *Ann. revolut.*, 1917, vol. 9, no. 4, pp. 512–532.
13. Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire.* London, 2006. 277 p.
14. Combet J. Les fêtes révolutionnaires à Monaco. *Ann. revolut.*, 1912, vol. 5, no. 4, pp. 544–558.
15. Vovelle M. *Les Métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820.* Flammarion, 1976. 300 p.
16. *Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires, ou Recueil, classé par époques, des hymnes, chants guerriers, chansons républicaines, odes, satires, cantiques des missionnaires, etc., etc., Les plus remarquables qui ont parues depuis trente ans.* Paris, 1821. Vol. 1. 276 p.
17. *Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 100. Decadi, 10 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (30 décembre 1793).*
18. du Cheylard R.V. Sanary et le siège de Toulon (suite et fin). *Rev. hist. revolut. fr.*, 1914, vol. 5, no. 18, pp. 282–305.
19. Bianchi S. Le théâtre de l'an II (culture et société sous la Révolution). *Ann. hist. revolut. fr.*, 1989, no. 278, pp. 417–432.
20. Crook M. *Toulon in War and Revolution: From the Ancient Régime to the Restoration, 1750–1820.* Manchester, 1991. 270 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V202

Viktoriya V. Verchenkova

State Academic University for the Humanities;

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;

prosp. Lenina 51, Yekaterinburg, 620075, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3108-3665> e-mail: viktoriyaverchenkova@mail.ru

THE TRIUMPH OF FREEDOM: A NATIONAL HOLIDAY IN HONOUR OF THE RETAKING OF TOULON (1793)

In December 1793, after the end of the siege of Toulon, which had been in the hands of the British and their allies for three months, a national holiday was declared throughout the French Republic. By that time, such holidays had been completely formed and become systematic as well as acquired their own symbols. Among the essential components were a crowd of spectators, a procession, dancing, music with songs, and a banquet. Since the victory won in Toulon was long-awaited, the events on this occasion had to be grandiose. The author studies the revolutionary festival and highlights its general and special features typical of the regions. Each department celebrated the holiday in its own way: some seized an opportunity to promote the Worship of Reason and de-Christianization, others praised the goddess of victory and the brave soldiers, still others turned it into a kind of a Catholic procession. Further, the article analyses the extensive festival programme in Paris, which was developed by artist Jacques-Louis David and playwright Marie-Joseph Chénier. In some places, however, the processions were spontaneous. Of interest are the “reconstructions” of the battles in Toulon, which were undertaken at some festivals, at which mannequins depicting kings and statesmen of the allies were also burnt. In addition, the author demonstrates how the creative community reacted to the retaking of Toulon: poems and hymns were written all over the country, plays and performances were staged, exposing the tyranny and meanness of the British, as well as the cowardice of the Toulonnais that had surrendered the city, and praising the valour of the Republican soldiers.

Keywords: French Revolution, siege of Toulon, Toulon, revolutionary holidays.

Поступила 01.02.2022

Принята 16.08.2022

Опубликована 14.10.2022

Received 1 February 2022

Accepted 16 August 2022

Published 14 October 2022

For citation: Verchenkova V.V. The Triumph of Freedom: A National Holiday in Honour of the Retaking of Toulon (1793). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 28–36. DOI: 10.37482/2687-1505-V202